

ЗИМНЯЯ РЫБАЛКА

В январе месяце я собрался в краткий отпуск на зимнюю рыбалку в Карелию. Там, на восточном берегу Ладоги в городе Питкяранта жили мои друзья Саша и Вера Сапелкины. Саня давно соблазнял меня зимней рыбалкой, но мне хотелось не столько наловить рыбы, хотя это тоже не повредило бы, сколько проверить готовность своего зимнего туристского снаряжения. После двухнедельных поисков на ладожском льду пропавших студентов туристов, я был поражен красотами и суровостью зимней Ладоги, и собрался в тайне от всех в одиночку пройти по льду от Приозерска, через Валаам в город Питкяранту. Этот путь я рассчитывал пройти за пять дней с четырьмя ночевками на льду. А после в Питкяранте вместе с Саней сразу пойти в городскую баню и принять «атомный» пар.

Очень важно было еще до экспедиции изучить опыт зимних путешествий. А в двадцатом веке свершились несколько выдающихся арктических экспедиций. В 1908 году Фредерик Альберт Кук и через год Эдвин Пири на собачьих упряжках покорили Северный полюс. Однако их достижения до сих пор вызывают сомнения и споры. В 1911 году экспедиция Руаля Амундсена также на собачьих упряжках впервые достигла Южного полюса, всего на десять дней опередив экспедицию англичан во главе с Робертом Фалконом Скоттом. Первыми людьми, совершившими доказанное путешествие на мотосанях по льду от континента до Северного полюса стали участники американской экспедиции Ральфа Плейстеда в 1968 году. Британская трансарктическая экспедиция под руководством Уолтера Герберта достигла Северного полюса в 1969 году, используя собачьи упряжки. В 1978 году экспедиция японских университетов на трех собачьих упряжках достигла Северного полюса. А всего через несколько дней покоритель Эвереста Наоми

Уэмура впервые в истории полярных путешествий в одиночку на собачьей упряжке тоже достиг Северного полюса. Через год на Северном полюсе побывала лыжная экспедиция газеты «Комсомольская правда» в составе шести человек под руководством Дмитрия Шпаро.

С большим удовольствием я читал отчеты об этих экспедициях и завидовал романтике дальних и трудных путешествий. Но погоню людей за личной славой, желание быть первыми, даже в том случае если при этом пострадают другие, я не одобрял. На мой взгляд, стремление к личной славе – форма алчности. Как показывает история за славу можно получить деньги – выгодно продать ее политикам или бизнесу. Конечно, такие достижения престижны для каждой страны, а их участников чествуют как героев. Но, на мой взгляд, герой тот, кто совершил в трудных условиях подвиг – важный по своему социальному значению; высокоморальный поступок, проявив личное мужество, стойкость, готовность к самопожертвованию.

Кому я действительно завидовал так это Георгию Алексеевичу Ушакову и геологу Николаю Николаевичу Урванцеву, первооткрывателям архипелага Северная Земля в 1930-1932 годах. В полярные ночи они совершали труднейшие арктические путешествия на собачьих упряжках и проводили геодезические и геологические исследования.

Романтику путешествий я обожал, но к личной славе не стремился, поэтому в тайне от всех тоже стал готовиться к одиночному трансладожскому переходу.

Подготовка снаряжения к экспедиции процесс творческий и доставляет путешественнику не меньшее удовольствие, чем сам поход. Приходится множество раз мысленно пройти выбранный маршрут представить себе возможные трудности. Каждый элемент снаряжения важно правильно отобрать и продумать: как будет использована та или иная вещь, где она может подвести и что делать, если она вый-

дет из строя. Только после всестороннего анализа можно приступать к ее изготовлению или совершенствованию. А потом натурные испытания и снова совершенствование. Прямо как у конструкторов самолетов или космических аппаратов.

А самое приятное это воображать поход в деталях. Сколько раз я мысленно шел на лыжах сквозь пургу, преодолевал на лодке зияющую трещину с ледяной водой, ставил палатку, и засыпал под скрип и грохот сдвигающихся ледяных полей.

Хорошее снаряжение играет в зимних ледовых экспедициях решающую роль, но достать его совсем не просто. Что-то можно купить в спортивных магазинах. Там я приобрел легкие складные сани из дюралюминия, которые собирался крепить сзади к рюкзаку, так что скинутый с плеч он сразу оказывался на санях.

Еще я купил каталитическую грелку для рук. В те годы их выпускали для рыбаков и применяли даже в Советской Армии. Размером с небольшой портсигар она заправлялась тридцатью граммами бензина, который окислялся без пламени на поверхности сетчатого платинового катализатора, и хватало ее на восемь часов работы. Она сильно нагревалась градусов до пятидесяти, так что без чехла ее трудно удержать в руках.

В университетском отделе снабжения мне удалось достать меховой собачий спальный мешок. Правда отсутствовал пуховой вкладыша как у настоящих полярников, но эта проблема в принципе решалась.

Легчайшую палатку с обсидой – полукруглым местом за стойкой я сшил из парашютного шелка. Такая палатка легко устанавливалась одним человеком на лыжные палки вместо кольев. Сверху она накрывалась полиэтиленовым тентом, который создавал настоящий «парниковый эффект»: парашютный шелк легко пропускал выдыхаемый

теплым и влажным воздух, а на полиэтиленовом тенте влага конденсировалась и замерзала, выделяя дополнительное тепло. При этом воздух в палатке осушался, и в ней становилось теплее.

Для крепления палатки на гладком льду один студент достал мне десять альпинистских ледовых крючьев – ледобуров, сделанных из титановой трубки. Они имели наружную винтовую нарезку, чтобы вворачиваться в лед и держали так прочно, что при сильном натяжении сначала рвалась капроновая стропа растяжки.

У моих широких туристских лыж при ходьбе по ледяным торосам дерево с краев быстро срезалось. Для задуманного перехода они вовсе не годились. Как и все туристы, я мечтал приобрести горно-туристские лыжи «Бескид» производства Мукачевской лыжной фабрикой в Закарпатье. Такие лыжи имели высокую прочность и были рассчитаны на самые тяжелые условия эксплуатации: наледи и ледовые торосы. Именно на таких лыжах наши туристы во главе с Дмитрием Шпаро впервые дошли до Северного полюса.

«Бескиды» имели деревянную скользящую поверхность, из прочных сортов дерева – березы, осины, ясеня, причем береза из Сибири, а ясень с Кавказа. Они имели наборный стальной кант. В начале девяностых годов мой ученик Алексей Шебанов наконец-то привез мне из Мукачево новенькие «Бескиды». Пока я ехал из университета домой на улице и в метро ко мне подходили люди, прочитавшие написанное крупными буквами название лыж и с удивлением спрашивали, где я их купил, и не собираюсь ли продать.

На моих туристских лыжах стояли крепления «Кандахары». Нога удерживалась тросиком с пружиной в пяточной области, который натягивался «лягушкой». Поэтому для них подходили любые ботинки и глухие бахилы, пол-

ностью закрывающие ногу. А в зимнем путешествии бахилы защищают обувь при ходьбе по глубокому снегу. Я сшил мешки для бахил из непромокаемого, но пропускающего воздух капрона, который пришил к большим резиновым галошам. Такие галоши рыбаки надевали на валенки во время зимней рыбалки. Теперь, даже после длительных переходов по рыхлому снегу ботинки оставались совершенно сухими.

Одна из проблем зимних путешествий опасность обморожения пальцев на ногах. И я придумал засовывать в ботинки под стельки алюминиевую фольгу, которая отражала тепловое излучение и сохраняла тепло. Кроме того, носок ботинка тоже оборачивался фольгой.

На тот случай, если во время перехода встретится широкая полынья или трещина, я достал авиационную одноместную спасательную лодку, весящую всего полтора килограмма. И даже успел опробовать ее зимой на Неве, из-за чего едва не угодил в милицию.

Особенно я гордился рюкзаком, который переделал из станкового «Ермака». В моей геологической жизни переезды были частыми и всякий раз снимать и надевать на плечи тяжеленный рюкзак, очень неудобно особенно в городе. Поэтому я привинтил к стойкам колесики как у обычной хозяйственной тележки, для передвижения рюкзака в метро и на вокзалах. В нижней части станка крепилась дуга-подставка и рюкзак, опираясь на нее, мог стоять вертикально. Во время походов в палатке рюкзак стоял прочно как шкаф, а не лежал в виде бесформенной груды. При этом все боковые карманы оказывались доступными. Снаружи на коротких шнурах с карабинами на карманах рюкзака висели: фонарь, термометр, консервный нож и прочая необходимая мелочь, искать которую в тесной палатке в рюкзаке всегда неудобно. Так что все находилось под рукой.

В специальных боковых карманах размещались топор и лучковая пила. В непромокаемом пакете – аварийный комплект: два сигнальных патрона; три десятка охотничьих спичек, запаянные по две штуки в полиэтилен, несколько таблеток сухого горючего, рыболовный набор и, наконец, походная аптечка первой помощи.

Дома я рюкзак никогда не разбирал, и он стоял «заряженный» всем необходимым в комнате у двери всегда готовый к походу в экспедицию или на учебную студенческую практику.

В эту поездку я собирался рыбачить на Ладоге, рассчитывая отойти от берега километров на десять, установить палатку, переночевать и на другой день ловить рыбу. Но в тот год зима оказалась теплой и, как назло, лед на озере еще не встал.

При разговоре по телефону Саня рассказал, что лед на Ладоге образовался только у берега и предложил рыбалку на лесных озерах, утверждая, что там ловятся килограммовые окуни. А на берегу одного из озер в склоне песчаного холма есть землянка с нарами и печкой. Туда можно отправиться на лыжах на три дня. Саня уверял, что еще осенью, до того как лег снег, он подремонтировал землянку, наладил печку и заготовил дрова.

– Только учти, я рыбачить со льда не умею, – на всякий случай предупредил я.

– А чего там уметь: наливай да пей, – пошутил Саня.

Пришлось согласиться идти на рыбалку на лесные озера, тем более, что я собирался набрать чаги. Заваривать этот березовый гриб как чай я научился еще в студенческие времена в дальневосточной экспедиции. А через несколько лет узнал новые, удивительные свойства чаги.

Во время одной из геологической экспедиции в Карелии я встал лагерем в заброшенной деревне Котозеро – в

тридцати километрах к северо-востоку от Питкяранты. С этого лагеря совершал на мопедах маршруты вдоль старых лесовозных дорог. Саня работал в моем отряде и ездил в паре со мной на своем мопеде. В давно заброшенной и уже разрушенной деревне остался целым один дом, в котором все лето жил дед Осип. Несмотря на семьдесят пять лет он выглядел со спины как молодой здоровый мужчина – мощные плечи, гладкая упругая кожа. Правда, на спине красовались страшные с задирами шрамы от когтей медведя, которого он подстрелил на охоте недалеко от деревни. Этот медведь разорял посеvy овса, выращиваемые для корма лошадей. Забыв все правила, Осип подошел к бездыханному животному и ткнул его стволами ружья. Медведь вскочил и подмял под себя охотника, сдирая кожу с его спины. Осип убил зверя охотничьим ножом.

Деревня располагалась в глухой местности. После окончания в этом районе лесоповала, жители остались без работы. Постепенно все перебрались в новый лесорубный поселок Лоймола. Осип перестал работать несколько лет назад и чтобы не сидеть без дела, каждое лето приезжал в заброшенную деревню в свой старый дом. Здесь на местных пустующих лугах он заготавливал сено. Осенью из совхоза приезжала машина и забирала сено и деда.

Были еще две причины, из-за которых дед уезжал из поселка на все лето. Во-первых, в последние годы от безделья Осип стал запойным. А в поселке всегда имелась возможность для пьянства. И ранней весной, когда еще не сошел снег, дед бежал из поселка в Котозеро от греха подальше. Деньги на проживание он традиционно пропивал в Питкяранте за день или два. Правда, сначала успевал запасть кое-какими продуктами. А летом рыбаки, приезжавшие на озеро около деревни, деда хорошо знали и всегда привозили ему хлеб и сахар. В основном дед питался рыбой, грибами, ягодами и овощами с небольшого огорода.

Во-вторых, несколько лет назад у Осипа обнаружили опухоль в неоперабельной стадии. После краткого сеанса лучевой терапии в Петрозаводской больнице, ему дали срок жизни несколько месяцев. По этому случаю попрощаться к отцу приехал на черной волге старший сын – директор крупного металлургического комбината. Здоровье Осипа ухудшалось с каждым днем, и тут одна бабка карелка посоветовала ему лечиться настойкой чаги.

Пока родственники думали, где хоронить деда, он плюнул на все и сбежал в родную деревню. Его, конечно, быстро разыскали, но уезжать назад в поселок Осип категорически отказался. Все лето он собирал на березах грибы чаги и каждый день пил настой. К врачам он больше не ходил, и жил как обычно – косил траву и ловил рыбу. Постепенно боли утихли. Так прошло несколько лет. Все это время с небольшими перерывами дед пил настой чаги. Но еще раз посетить Котозеро мне не удалось и о дальнейшей судьбе деда Осипа ничего не известно.

Однако этот случай меня заинтересовал. В медицинской энциклопедии я прочитал, что березовая чага является паразитным трутовым грибом, который прорастает на дереве из спор, попадающих в трещины в коре. Образующийся черный нарост питается вытекающим из трещин березовым соком. Препараты чаги нетоксичны. Настой березового гриба усиливает защитные свойства организма. Экстракт из чаги, называемый бефунгином, в некоторых случаях задерживает рост опухоли и развитие метастазов, улучшает самочувствие больных, снимает изнуряющие боли. Обычно его применяют, когда уже не показано хирургическое вмешательство или лучевая терапия. Известны случаи исцеления от различных, даже самых тяжелых заболеваний при исключительном применении только препаратов чаги без дополнительных медикаментозных и терапевтических средств.

Поэтому во время экспедиционных работ в Карелии и на Кольском Полуострове я всегда собирал грибы чаги для знакомых с онкологическими заболеваниями. Кроме того, на учебных геологических практиках большой популярность у студентов пользовался чай «геологический» – настой чаги со сгущенным молоком. Особенно он нравился иностранным студентам, с которыми я проводил в Карелии учебные геологические практики. Они даже придумали ему название: «чай березка». После моих рассказов о лечебных свойствах чаги при онкологических заболеваниях, студенты и преподаватели дружно просили у меня кусочек. Оказывается, практически у всех имелись больные родственники или знакомые. И если кому-то не доставалось, то меня спрашивали, где чагу можно купить. А в аптеке гриб продавался редко. Поэтому я всегда имел запас чаги, и с удовольствием дарил ее ребятам. Потом, даже через несколько лет, мне приходили из-за границы письма с благодарностью.

Не меньшую популярность среди геологов имел, изобретенный мной, алкогольный напиток «Березка» – питьевой спирт, разведенный настоем чаги с добавлением сахара.

В тот год все запасы чаги окончились, и к весенней студенческой практике их следовало пополнить. А вдоль реки Уксуньеки я еще с осени отметил несколько десятков берез, на которых росла чага.

Поезд прибывал в город Питкяранту утром. На участке от Олонца до поселка Янисярви два вагона тащил настоящий паровоз. Дымя трубой, весь окутанный клубами пара он мчался в тучах снега, словно комета в межзвездном пространстве. Паровоз сбавлял ход и важно пыхтя, оставался около старого деревянного вокзала.

Меня никто не встречал. Саня и Вера днем работали, но

в моем рюкзаке лежал ключ от их квартиры. Соседи меня знали и, поэтому, не удивлялись, когда видели бородатого мужика с рюкзаком, открывающего чужую дверь.

В первый раз я встретил Сашу Сапелкина в геологическом маршруте на реке Уксуньеки. Тогда ему было всего четырнадцать лет, и он стал работать у меня коллектором. В восемнадцать лет Саню забрали в армию в десантные войска. Практически все ребята из Питкярантского района служили в знаменитой Псковской воздушно-десантной дивизии. Во время службы Саня познакомился с Верой и сразу после демобилизации женился. В их двухкомнатной квартире на улице Гоголя я часто гостил зимой и летом.

Оставив в прихожей рюкзак и лыжи, я отправился в книжный магазин. Здесь продавались книги, которые в Ленинграде не достать.

Питкяранта город маленький и во время прогулки встретил много знакомых. Поговорил с Онегой Федоровной Власовой – председателем городского совета депутатов трудящихся. Она всегда помогала нам в проведении учебных практик с группами иностранных студентов, при устройстве их в гостиницу и аренде в местном гараже дефицитного автобуса для геологических экскурсий. Иностранные студенты, польщенные вниманием главы города, называли ее «мэр», либо «бургомистр», что Онеге Федоровне явно нравилось.

На улице Ленина меня приветствовали знакомые ребята из райкома комсомола, которые мчались куда-то на стареньком УАЗике. Даже шоферы двух рейсовых городских автобусов посигналили мне и поздоровались поднятием руки. Так что чувствовал я себя как в родном городе. В целом, если сложить время проведенной мной в студенческих учебных практиках и экспедициях, то я прожил на территории Питкярантского района более пяти лет.

Около ресторана «Питкяранта» повстречал Мишу и На-

ташу Селюжицких – молодых специалистов, распределившихся на ЦБК после окончания минского технологического института. Ребята шли с комбината домой на обеденный перерыв. Миша кряжистый обстоятельный парень в армии служил командиром тяжелого танка и поражал цели только с первого выстрела. Недаром он закончил службу офицером. Миша уже работал начальником цеха, а вскоре стал генеральным директором комбината. Его жена Наташа работала в лаборатории ЦБК и дружила с Верой Сапелкиной.

Заядлый рыбак Миша, узнав, что мы собрались рыбачить на лесные озера, дал несколько ценных советов. Он относился к той редкой категории рыбаков, которые всегда возвращаются домой с уловом. Наталья тут же пообещала вечером зайти к Сапелкиным и принести вяленой рыбы. Она всегда старалась угостить меня чем-нибудь вкусным. Я тоже привез в подарок женщинам две большие плитки горького шоколада.

В книжном магазине знакомая продавщица оставила специально для меня подарочное издание «Калевалы» карельского книжного издательства с рисунками известной на всю Карелию художницы Тамары Юфы. Мне очень нравился романтический стиль этого художника. Она иллюстрировала также многие книги издательства «Карелия» – «Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях», сказки Андерсена, Топелиуса и Перро. По возможности я всегда покупал книги с ее иллюстрациями.

В доме рядом с книжным магазином жил мой друг Валера Хайкара. Он работал на комбинате мастером смены и, не смотря на молодость, избирался депутатом городского совета по делам молодежи. Валера часто помогал в экспедиционных работах, перевозя мой отряд по лесным дорогам на своем тяжелом мотоцикле с коляской. В тот день Валера работал в вечернюю смену. Он угостил меня чаем, и мы немного поболтали.

Вернувшись в квартиру Сапелкиных, я хотел переставить тяжелый рюкзак, как-то неудачно поднял его и тут меня посетил старый приятель «Радик» или по научному – пояснично-крестцовый радикулит. Скорее всего, от физической нагрузки произошло небольшое смещение межпозвонковых дисков. Боль всегда проявлялась остро, как будто тело насквозь проткнули шпагой – ни вздохнуть, ни повернуться, ни кашлянуть, ни чихнуть. Хозяева застали меня в позе «богомол», когда я на полусогнутых ногах пробирался к дивану.

Саня помог мне лечь на пол, и я стал делать упражнение, которое в таких случаях всегда помогало – лежа на спине надо расталкивать воображаемые стены вытянутыми руками и ногами. При этом растягивался позвоночный столб, ущемление нерва ослабевало, и боль стихала.

Добрая Веруня отправилась варить картошку, для горячего компресса на поясницу.

– Анатолий Михайлович, неужели вы с таким радикулитом пойдете в лес на три дня ночевать в холодной землянке, – приговаривала она, – оставайтесь лучше у нас, отдохнете, отоспитесь, а я Вам каждый день буду печь драмки из картошки.

– Компресс поможет, вечером будет здоров, – бодро пообещал Саня, которому хотелось отправиться на рыбалку, а не сидеть дома.

Саня уложил меня на диван и задрал на спине рубашку.

– Неси картошку, – крикнул он жене.

Три десятка сваренных в мундире картофелин Веруня растолкла в наволочке от подушки, и положила мне на поясницу сначала махровое полотенце, а затем компресс. Горячее тепло подействовало и сразу исчезло напряжение в спине от постоянного ожидания острой боли. Когда кожа привыкла к жару, убрали махровое полотенце, а потом и остывший компресс.

Вера дала мужу пузырек с какой-то жидкостью, крошечную кисточку и предупредила:

– Сделай на пояснице только сеточку.

Как настоящий художник над мольбертом Саня долго колдовал над моей поясницей, потом чертыхнулся и отбросил кисточку.

– Да что нам, кабанам, делается, от такой малости! – бесстрашно воскликнул Саня и ладонью растер мазь по всей пояснице.

Спину обожгло так, будто на нее вылили ведро раскаленного масла. Я зарычал как раненый лев.

– Что ты наделал, садист! – напустилась на мужа Вера.

– Зато радикулит быстро пройдет.

Когда нестерпимая боль немного утихла, я поинтересовался:

– А что это за термоядерная мазь?

– Линимент Розенталя, он состоит из йода, парафина, этилового спирта, а также хлороформа, анестезина и новокаина, – прочитал Саня на пузырьке, – ничего особо жгучего здесь нет.

Во время трансладожского перехода я больше всего опасался заболеть именно пояснично-крестцовым радикулитом. И что тогда делать на льду в десятках километров от берега, когда не можешь даже пошевелиться? Нужно иметь в аптечке какое-то сильное средство против этой болезни. И вот появился шанс на деле проверить возможность быстрого излечения от радикулита. Я твердо решил идти на лесные озера. В крайнем случае, если уж совсем станет плохо, Саня дотащит меня на санях, сделанных из лыж.

На ужин Веруня нажарила большую миску картофельных драников – ее коронное блюдо белорусской кухни. Запах стоял такой, что мутилось в голове. Прошлой весной, когда мы со студентами уезжали в Ленинград с учебной

практики, Вера наготовила для всех огромную миску драников и дала банку сметаны. Ребята с восторгом съели все в поезде, когда мы еще не отъехали от вокзала.

Главную роль в драниках играла вкуснейшая сапелкинская картошка. За всю свою жизнь я такой больше нигде не пробовал. То ли земля на их огороде какая-то особая, то ли растениям передавалась аура хозяйки. Даже когда я сажал на своей даче взятые у них семена, такой вкусной картошки не родилось. Осенью мне, конечно, тоже доставалось пару ведер картошки от их урожая. И, когда в Ленинграде мои гости пробовали эту картошку и спрашивали, откуда она родом, я отвечал им, что это уникальный карельский сорт «Веруня».

Однажды весной Вера попала в больницу и очень переживала, что не успела посадить картошку. А Саня никак не мог вскопать лопатой три сотки огорода. И он уговорил знакомого парня вспахать участок мотоблоком. Привезли на машине мотоблок с культиваторами и вдвоем за час вспахали огород. Рядом оказался сосед пенсионер, который, не спеша, копался в огороде с лопатой. Добрые мужики развернули мотоблок и вскопали огород соседа. Когда грузили мотоблок на машину, Саня вспомнил, что хозяйка второго соседнего огорода, тоже намекала, что если удастся достать мотоблок, то и ей вскопать участок. Струзили мотоблок и вскопали участок соседке. И тут пенсионер, молча наблюдавший за пахотой, вдруг задумчиво произнес:

«А зачем вы Нюрке огород перепахали, она же картошку вчера посадила».

Мужики с вилами бросились перекапывать огород соседки, чтобы достать посевную картошку. А потом сажали ее в землю, но все равно часть картофеля не взошла. И старик-пенсионер все потом рассказал соседке.

«И чего этот дед хотел? – возмущался потом Саня. – Загорбатить меня что ли? Есть такие люди, для которых самая большая в жизни радость, когда у соседа сдохнет корова».

Осенью Сапелкиным пришлось отдать соседке четверть урожая картофеля, чтобы сохранить добрые отношения.

Сели обедать. На столе как всегда стояли многообразные закуски: соленые огурцы, грибы, обжаренная маринованная корюшка, селедка с луком под горчичным соусом. В граненом хрустальном лафитнике рубиновым цветом переливалась клюквенная настойка. Для ее изготовления Веруня прокалывала иглой каждую клюквину и в трехлитровой банке засыпала сахарным песком. Через два месяца внизу банки образовывался прозрачный красный сироп, который и добавлялся в водку или разведенный питьевой спирт.

Тут пришла Наташа Селюжицкая и принесла связку вяленой рыбы.

– Вот какую рыбу ловит мой Миша, – похвасталась она.

Окуни были знатные – сантиметров по тридцать длиной, и завяленные непотрошенными.

– И не жалко Вам отдавать целую связку рыбы, нам хватило бы и двух, – поскромничал я.

– Не жалко, у нас ее много. Миша почти с каждой рыбалки столько приносит.

– Такие же окуни ловятся на лесных озерах, – авторитетно заявил Саня, держа в руках самую крупную рыбину.

Я скептически усмехнулся.

– Не хочешь, не верь, а врать рыбаку не мешай, – засмеялась Наталья.

– Ну, вот рыба уже есть, – опять запричитала Веруня, – зачем Вам идти на рыбалку, оставайтесь Анатолий Михайлович дома и радикулит пройдет.

– Конечно, – поддержала ее Наташа, – с радикулитом лучше завтра в баньку сходите, и Миша собирается. Там в буфет привезли свежее пиво.

– Настоящие мужчины своих решений не меняют, – внушительно произнес Саня.

Он испугался, что рыбалка может не состояться.

К вечеру моя поясница совсем перестала болеть, и я окончательно решил идти на лесные озера.

Вышли в шесть часов утра. На Востоке небо окрасилось в нежные бледно-розовые тона с сиреневым оттенком и звезды уже померкли. Мороз не превышал десяти градусов – идеальная температура для лыжного путешествия. Решили, что мазь «Висти» на минус 10-15 градусов в самый раз. У крыльца дома на скамейке намазали лыжи для классического хода, положив под носок и пятку низкотемпературную мазь, а под колодку мазь на минус 2-5 градусов.

На лыжи встали у самого крыльца и бодро пробежали четыре километра на Юг вдоль железной дороги до моста через речку Ристиоя, повернули на Восток и прошли еще несколько километров мимо пегматитовых карьеров Люппико. Наконец, вышли на берег реки Уксуньеки. Лыжи скользили отлично и мы радовались, что удачно попали в мазь.

Окончательно рассвело, но стало пасмурно. Небо закрыли облака, и задул теплый южный ветер. Как-то сразу началась оттепель, и повалил мокрый липкий снег. На лыжах, которые до этого прекрасно скользили, образовался сильный подлип – снег превратился в толстый снежный ком не только под колодкой, но и по всей длине лыжи. Так всегда происходит при свежем, падающем снеге и температурах около нуля градусов.

Снегу налипло столько, что мы еле передвигали ноги. Лыжню тропили по очереди. Промучившись так целый час,

решили перемазать лыжи. Стали искать мазь, перерыли оба рюкзака, но, оказалось, что забыли коробку с мазью на скамейке у крыльца. Обвинять друг друга в халатности не стали, оба виноваты.

Сделали остановку. На поляне развели большой костер, чтобы просушить лыжи

– У моего соседа, который подарил нам кусок лосятины, охотничьи лыжи подбиты камусом – шкурой с лосиных ног, – вспомнил Саня, – такие лыжи всегда хорошо скользят вперёд, и держат даже на подъеме.

– А еще лучше было бы на снегоходе, добрались бы за час.

– У нас в Питкяранте только один снегоход на комбинате, по ладожскому льду до Валаама за час долетает, если торосов нет.

Как раз накануне я хорошенько просмолил свои новые туристские лыжи, чтобы они не намокали при катании в тёплые дни и к ним не прилипал снег, но это не помогло. Пока Саня прогревал над огнем лыжи, я приготовил строганину из замороженного лосиного мяса. Настоящую строганину из оленины я научился делать, когда работал в Воркуте. Мясную стружку нарезают, чтобы тонкие кусочки сворачивались в трубочки. Все смешивают с шинкованным репчатым луком, посыпают перцем и солью и поливают лимонным соком. Специально для этого случая я захватил два лимона. Каждый северный человек знает, что лучшей закуски на морозе, не бывает. Выпили по стопке шестидесятиградусной клюквенной настойки на спирту, а потом по кружке цейлонского чая с горьким шоколадом.

Над костром тщательно просушили лыжи. Носки и задники намазали парафином растопленной свечи, а под колодкой натерли салом.

Ветер усилился, и разыгралась настоящая пурга. Снеж-

ные вихри летели над белоснежной целиной, закручиваясь спиралями. Мы шли вдоль правого берега замерзшей реки, иногда выходили на лед. Река петляла, и, поэтому, направление нашего движения все время менялось. Но ветер упорно дул только в лицо, прямо как при езде на велосипеде: куда бы ни ехал – все время в гору и ветер навстречу.

Из-за пасмурного дня стемнело рано. До землянки добрались уже в темноте. При свете фонаря открыли скрипучую дверь. Воздух в помещении казался холоднее, чем снаружи, а стены покрыты инеем. Саня с ледобуром и котелком отправился на озеро за водой. Заготовленные дрова оказались на месте, и я растопил печку.

Стены землянки были облицованы жердями, чтобы не осыпалась земля. В глубине стояли прочные двухъярусные нары, покрытые старым шерстяным ковром, над окном рядом с дверью – полка, заставленная банками с крупой, солью и табаком.

Иней на стенах растаял, и они стали мокрыми. Самое ценное, что мы нашли под нарами – старая керосиновая лампа, заправленная топливом. Только из-за отбитой верхушки стекла она коптила. Но, все равно, это лучше чем наши свечи.

На ужин я приготовил домашние пельмени, которыми нас снабдила Веруня. Аромат от них потрясающий. Съели их вместе с бульоном, и выпили по две стопки настойки. По моим подсчетам мы прошли около тридцати километров, да еще при отсутствии скольжения. Навалилась усталость, и я расстелил на нарах меховой спальный мешок. От выпитой настойки обычно молчаливый Саня вдруг разговорился и решил прояснить для себя вопрос о том, кто такие кандидаты наук.

– Не могу понять, ты пишешь диссертацию, и станешь кандидатом наук. Вот я, например, электрик пятого разряда, это понятно, а ты кем станешь, кандидатом куда?

Меня разморило, и не хотелось объяснять сущность научных степеней и званий

– Саня, в науке есть много непонятого. Сколько, например, будет: ноль пять, и ноль пять? – спросил я.

– Литруха, – сходу рассчитал Саня, – это я печенкой чувствую.

– Верно, но в математике получится единица. Ну, а что такое квадратный трехчлен, знаешь?

– Никогда не мог его себе представить, – честно признался Саня.

– Ладно, на сон грядущий расскажи какую-нибудь правдивую историю из жизни десантников.

– Молодой десантник перед учебным прыжком жалуется командиру:

«Не хочу прыгать, опять у меня ничего не получится», – но старшина пинком выталкивает его из самолета.

В это время в правлении колхоза идет собрание.

«Все у нас плохо, – говорит председатель, – урожай пропал от засухи, курыдохнут, у свиней чума».

В этот момент рушится потолок и на стол президиума падает десантник с нераскрывшимся парашютом.

«Вот, – в сердцах кричит председатель, – и этот десантник, неудачник, третий раз нам крышу ломает».

– А вот интересно, что командиры советуют вам делать, если парашют не раскроется?

– Наш комбат говорил так: с нераскрывшимся парашютом, сгруппировавшись, десантник может развить скорость в двести пятьдесят километров в час, быстрее может лететь только сапер ..., отдельными частями.

– Как это, наверное, здорово, в последние секунды жизни мчаться с такой умопомрачительной скоростью.

В темное окошко, будто кто-то постучал. Саня встал и приоткрыл дверь. В землянку ворвался снежный вихрь, но тут же потерял силу и упал на земляной пол белым пятном.

– Никого, это пурга, – констатировал он, стараясь как можно плотнее закрыть покосившуюся дверь.

– А ты ожидал в гости деда лесовика с сучком вместо носа?

Мы залезли в спальные мешки и разморенные от тепла печки быстро уснули. Но замороженные стены забирали тепло, и ночью пришлось несколько раз встать, чтобы подбросить дрова в печь. К утру я крепко уснул и сильно замерз, почти как на ладожском льду. Вот тебе и хваленый полярный спальный мешок из собачьего меха. Правда, к нему полагался пуховой вкладыш, но и он вряд ли сильно изменил ситуацию. Выходило, что спальный мешок из собачьего меха даже с пуховым вкладышем не годился для моего трансладожского перехода. Идти по льдам пять дней не выспавшись, это мученье. Я вспомнил, как в полусонном состоянии тащил по льду сани. Надо было что-то придумать.

Саня натопил печку так, что в землянке стало жарко, и вода в чайнике закипела. С трудом открыли заваленную снегом дверь. Над гладью озера, словно табун белогривых коней, мчались снежные вихри. Раздевшись до пояса, бодро растерлись снегом. На завтрак приготовили бутерброды с тушенкой, и выпили по кружке крепкого цейлонского чая.

Попытка ловить рыбу ни к чему не привела. Лунку быстро заносило снегом. Да и клев при такой перемене погоды ожидать не приходилось.

Пурга разошлась вовсю. Мы сидели в землянке и топили печку.

Я захватил с собой книгу Фарли Моуэта «Не кричи. Волки» и дал Сане почитать. Сам, тем временем, взялся обдумывать проблему комфортной ночевки на льду. В первую очередь следовало решить, какой нужен спальный

мешок. Его предстояло изготовить самому. Это меня не пугало, сшил же я палатку из парашютного шелка.

Сначала необходима плодотворная идея, а потом тщательно продуманная технология по изготовлению снаряжения. Я не любил начинать какое-либо дело, если на сто процентов не был уверен в успехе. Если дело не завершить сразу, то потом закончить его всегда труднее, а иногда и невозможно. Часто незаконченное дело порождало еще несколько дел, которые следовало сделать прежде, чем закончить основное.

Уже давно я взял себе за правило – проснувшись рано утром, съесть лягушку. В том смысле, что сделать самое неприятное дело в этот день, и останутся только приятные дела. Но не всегда. Часто лягушкам удавалось выжить до следующего дня, и они постепенно накапливались, образуя стаи. Если мысленно воплотить эту аллегория в материальный образ, то вся моя квартиры была бы уставлена ведрами, полными квакающих лягушек. Так что, проснувшись утром и лежа в постели, я слушал, как безнаказанно и радостно они квакали, напоминая о незаконченных или неприятных делах.

«Всех не съешь!» – нагло квакали они.

Загородные поездки и экспедиции хороши тем, что это на время откладывались неоконченные дела.

Для начала я мысленно выбрал ткань для спального мешка. Она должна была отражать инфракрасное излучение. Зачем тратить драгоценное тепло, нагревая космическое пространство. Одновременно она должна быть водостойкой. В те годы туристы достигали этого, пропитывая легкую капроновую ткань силиконом с алюминиевой пудрой. Получалась ткань под названием «серебрянка», из которой шили верх спального мешка или тент для палатки. Наполнителем мешка, несомненно, должен быть самый легкий и теплый материал – гагачий пух. Однажды я спал

на промерзшей земле у костра в таком пуховом мешке, и сверху было жарко, а снизу холодно. Пух на дне мешка сплющивался под тяжестью в тонкую прослойку, лишённую воздушных пузырьков, и тело быстро остывало за счет потери тепла излучением. И тут мне пришла в голову замечательная мысль – в днище пухового спального мешка вшить резиновые трубки, которые, будучи надутыми, не дадут пуху сплющиваться, и, одновременно выполнять роль надувного матраса. Спать на твердом льду очень неудобно, а резиновые матрасы слишком тяжелы для такого похода.

Я поделился своей идеей с Сапелкиным.

– Тонкие резиновые трубки прогнуться под тяжестью тела.

– А я склею спиралью камеры от гоночного велосипеда, их можно сильно накачать и они не будут прогибаться.

– Чем насосом?

– Можно взять резиновую грушу от медицинского тонометра.

– Да, если сшить такой матрасик, то с ним можно и на охоту ходить, – наконец-то согласился Саня. – Нынешней весной я лежал на мокрой земле на тетеревином току, и замерз так, что пошевелиться не мог. И вдруг на рассвете на поляну вместо тетеревов прилетели два журавля. На фоне зари птицы танцевали, охваченные весенней страстью, запрокидывали головы, размахивали крыльями, крутились, подпрыгивали и приседали. Это были знаменитые весенние пляски журавлей. А когда из-за леса брызнули первые лучи солнца и озарили птиц, они вдруг затрубили, и крик их раскатился по глади крошечного озера. Это произвело на меня такое глубокое душевное впечатление, что не смог больше охотиться, и отправился домой.

Саня захватил из дома старенький транзистор и безрезультатно пытался отыскать в эфире какую-нибудь радио-

станцию. Я варил в котелке бульон из лосиного мяса. Внутри куска оказался приличный мосол. Конечно, мы рассчитывали питаться ухой, но я предусмотрительно захватил ингредиенты для приготовления харчо. На бульоне из лосятины получилось очень вкусно, но мясо отдавало дичиной. За обедом Саня предупредил, чтобы я не обглаживал кость догола, а оставил немного мяса для лесных животных.

«Мудрый, как Дерсу Узала», – с уважением подумал я.

В периоды затишья снова выходили на озеро и пытались ловить рыбу, но безрезультатно. После обеда залезли в спальные мешки и немного вздремнули.

Быстро надвинулись сумерки. Пурга усилилась, и ветер перешел на свист. Транзистор наконец-то поймал «Маяк», и мы до ночи слушали музыку и последние известия.

Второй день не отличался от первого – за ветхой дверью землянки выла пурга. В щели у дверей ветром надуло сугробы снега.

Утром отправились за дровами, чтобы после нас остался запас для рыбаков и охотников. Преодолевая снежные заряды, шли вдоль берега в поисках сухостоя. Наконец, увидели отличную сосну, повалили ее и раскряжевали на двухметровые бревна. Козлы около землянки совсем развалились, и я сделал новые. До обеда пилили и кололи дрова.

– А почему зимой даже в сильные морозы в деревьях не замерзает вода? – вдруг спросил Саня во время передышки.

Накануне я прочитал в одном научно-популярном журнале, как один ученый, рассматривая древесный сок под микроскопом, не обнаружил в нем мелких твердых частичек, которые обычно служат центрами кристаллизации. Поэтому в древе вода может переохладиться до весьма низких температур. На тонких фильтрах ученый получил чистейшую «алмазную» воду, лишенную твердых микро-

скопических включений. В полированном изнутри сосуде эта вода не замерзала до отрицательной температуры в минус сто тридцать градусов Цельсия.

Я рассказал об этом Сане.

– Но иногда вода все-таки замерзает и в сильные морозы деревья трещат и лопаются.

– Это потому, что замерзает вода, попавшая в трещину снаружи. Мой тесть Василий Петрович рассказал, как однажды в гараже в двадцатиградусный мороз обнаружил бутылку с незамерзшей водой. А когда он вынес эту бутылку наружу, чтобы похвастаться соседу по гаражу, вода вдруг сразу превратилась в лед.

– И почему так произошло? Я тоже слышал такие истории.

– Потому что в бутылке находилась дистиллированная вода, которую доливают в аккумуляторы, и она не имела центров кристаллизации.

После обеда прилегли отдохнуть и послушать радио, заодно и вздремнули. Саня читали книгу «Не кричи. Волки», а я продумывал технологию изготовления пухового спального мешка – матраса.

– Вот уж не думал, что канадские волки в основном питаются мышами, – удивился Саня, – наши предпочитают дичь крупнее.

И он оказался прав.

К вечеру метель наконец-то улеглась. Снова пошли на рыбалку, и опять безрезультатно. В погоде наметился перелом, облака разошлись, и на западе небо окрасилось в нежные розовые и серые тона, как шейка у свиристея. Наконец-то мы увидели противоположный берег озера, два дня скрытый снежными вихрями.

К ночи совсем распогодилось, и ударил настоящий мороз. На темном фиолетовом небе зажглись яркие звезды.

Лес замер в полном безветрии. Взошла полная луна, сначала красная и большая, а потом серебристая и маленькая, как будто постепенно удалялась от Земли.

– Посмотри, вся поверхность Луны в метеоритных кратерах, живого места нет, – удивился Саня, рассматривая планету в старый армейский бинокль. – Интересно, а что будет, если огромный метеорит упадет на Питкяранту?

– Вероятность такого события очень мала. Значительно больше шансов, что на очередных военных сборах у тебя не раскроется парашют и ты, сгруппировавшись, сможешь разогнаться до скорости триста километров в час.

– Ну, а все же, что будет?

– «Что будет, если нажать эту красную кнопку?» – спросили оператора атомной электростанции:

«Ничего не будет, – спокойно ответил он, и добавил, – в радиусе тридцати километров».

Припорошенные инеем ели сверкали в призрачном лунном свете, будто специально украшенные к Новому году. Не хватало только салюта. Я свинтил с корпуса сигнальной ракеты защитный колпачок и достал шнур, за который надо дернуть, чтобы запустить твердотопливный реактивный двигатель.

Вдруг, где-то сзади за холмами возник слабый, отдаленный вой. Он удивительно органично вписался в пейзаж, вовсе не нарушая абсолютного таежного безмолвия, стал тише и постепенно замер.

– Волки? – не поверил я.

За многие годы работы в этом районе ни разу не видел живых волков. Медведей, лисиц и лосей встречал каждое лето. А волчий след видел только однажды, когда в прошлом году путешествовал на лыжах в окрестностях железнодорожного полустанка Койриноя.

Саня молчал, вслушиваясь в тишину и стараясь определить направление звука.

– А может это собаки?

– Откуда? До Питкяранты километров двадцать, а на Восток более ста до петрозаводской дороги – тайга, реки, озера. Собаки в такую даль не сунутся. В некоторые зимы волки нагло хватили собак даже на окраинах города.

И тут совсем близко на противоположном берегу озера послышался громкий ответный вой. На высоком тоне он взлетел к звездам, несколько секунд вибрировал и постепенно замер, словно улетел в бескрайний Космос. Этот голос не был таким органичным как первый, и в нем чувствовалось ожесточение голода.

– Обложили, – заключил Саня.

– Еще ни разу в жизни не слышал, как поют волки, – признался я.

– Это не просто вой, а сигнал к сбору большой стаи, завтра к утру верхний слой мокрого снега замерзнет и образуются наст. Волки по нему бегут легко, а лоси вязнут и режут ноги.

– Значит, они собираются гнать лосей?

– Да, если только нашли стадо, – неуверенно произнес Саня, – или кого другого, – немного злоеце добавил он.

– Кого другого? – не сразу понял я.

– Нас.

– А нас-то за что? – опешил я.

Саня молча развел руками, словно хотел сказать: «Здесь тебе не Канада, леммингов нет. Наши волки не могут обойтись без того чтобы кого-нибудь не сожрать».

Мы постояли еще немного, но вой больше не повторился. Получалось, что наша рыбалка, даже не начавшись, могла перейти в азартную охоту, и охотники вроде, как и не мы.

– Быть может, волкам следует как-то намекнуть, что «мы с ними одной крови?» – вспомнив «закон джунглей», предложил я.

– Добрая будет охота! – важно, как Акелла на совете стаи, произнес Саня.

Мы располагали лишь одностволкой, с десятком дробовых патронов и моим охотничьим ножом. Немного для защиты от стаи голодных волков. А завтра нам предстоял долгий обратный путь домой, и все могло сложиться как в повести Джека Лондона «Белый клык», точно как в первой главе «Погоня за добычей».

Мне вдруг вспомнился эпизод из книги Фарли Моуэта «Не кричи. Волки», которую мы только что прочитали. Молодой биолог Моуэт отправился в экспедицию в канадскую тундру для изучения повадок волков. В ожидании самолета в одном из кабачков городка Черчилль он услышал совершенно изумительные факты, которые ранее не отмечались в научной литературе – волки никогда не нападают на беременных эскимосок. В первую ночь после высадки из самолета на лед замерзшего озера, опасаясь нападения стаи волков, молодой специалист вдруг поймал себя на горячем желании превратиться в беременную эскимоску!

Надышавшись морозным воздухом, мы пошли спать. Перед дорогой следовало хорошенько выспаться, иначе будешь идти и дремать. Хорошо, что волки перестали выть, а то измотали бы нам все нервы. Снилось мне, как мы идем на лыжах, а сзади крадется стая волков.

Ночью мы проснулись от злобного рычания – это дрались и грызли волки, обнаружившие на снегу лосиную кость. Саня даже хотел разогнать их выстрелом, но я посоветовал ему беречь патроны и не удержался я от замечания:

– Сам же советовал оставить на костях немного мяса, вот, и прикормили.

Утром Саня встал рано, разжег печку и сварил кофе.

Вставать не хотелось. От гудящей печки в землянке быстро стало тепло. Я наконец-то согрелся в спальном мешке и вновь погрузился в сладкую утреннюю дрему.

Но Саня растолкал меня и поставил на нары у моей головы кружку с ароматным кофе. Пришлось наполовину вылезти из уютного спального мешка. И тут я убедился, что, действительно, лучше всего снимает сонливость крепкий горячий кофе, особенно если сразу пролить его на живот! Наконец-то мне стал понятен смысл поговорки «орать как ошпаренный».

Утро выдалось ясное и чистое. Нарядные припорошенные инеем ели, подсвеченные низким восходящим солнцем, застыли в безмолвии. Ох, как не хотелось в такой чудесный день быть съеденным волками. Впрочем, как и в любой другой тоже. Обнаружилось, что на озере полно отпечатков волчьих лап. Саня, как настоящий следопыт, рассказывал мне, чем занимались волки ночью. Во всяком случае, кость они сгрызли полностью. И я подозревал, что этим они лишь нагуляли себе их аппетит.

Предприняли еще одну попытку наловить килограммовых окуней. Неудобно возвращаться домой после трехдневной рыбалки без единой рыбешки. Но при таком резком изменении погоды рыба не клевала. Зато у самой землянки на ветках большой рябины, усыпанных гроздьями спелых ягод, расселась дюжина снегирей. Они словно красные яблоки украсили дерево. Мы долго наблюдали, как совершенно непуганые птицы мощными черными клювами срывают ягоды и вышелушивают из них семена.

Солнце поднялось над лесом, и мороз крепчал с каждым часом. Иней припорошил старый снег и ослепительно сверкал на ветках деревьев. В час дня собрались в дорогу. Беспокоили волки, хотя они никак себя не проявляли. Как

учили древние мудрецы: «Никакая беда не коснется тебя, если ты не вступишь в себя страх».

– Ты иди с ружьем первым, а я буду замыкающим, – предложил я Сане.

– Это почему?

– Если волки нападут, то на последнего. И ты с ружьем успеешь меня отбить. А если это будешь ты, то без ружья они и меня быстро сожрут.

Я подпоясался ремнем поверх энцефалитки, и свинтил с корпуса ракеты защитный колпачок, освободив пусковой шнур.

«Ну, держитесь волки!» – воинственно заявил мой внутренний голос.

Встали на лыжи. Намазанные воском и салом они хорошо скользили, но во время толчка проскальзывали назад. Шли по старому припорошенному следу на параллельных лыжах, толкаясь палками. Солнце заметно припекало и на освещенных участках и в тени деревьев, скольжение лыж отчетливо различалось.

Я постоянно оборачивался, чтобы не прозевать атаку волков, так что заболела шея. Преодолев небольшой подъем, остановились отдохнуть и срубить с березы очередной гриб чаги. Для подкрепления съели шоколадку. Волков не было видно и слышно.

– Пойду, взгляну, не идут ли они за нами по следу, – Саня сбросил рюкзак и достал два патрона.

– Не ходи, – я попытался остановить Саню, но он уже взвел курок одностволки.

– Я только выгляну из-за пригорка, и если они на нашей лыжне сразу их увижу. А ты сиди здесь и приготовь ракету.

Саня пошел на бугор, но без палок лыжи сильно проскальзывали назад. Когда он уже приблизился к перевалу,

то вдруг поскользнулся и упал. Ружье неожиданно выстрелило.

«Вот, что значит заранее взвести курок и в результате произвольный выстрел», – успел подумать я и бросился помогать Сане, но поскользнулся и тоже упал. Если бы в этот момент из-за бугра набежала стая волков, они взяли бы нас тепленькими, и отлично пообедали. Мы поднялись и выглянули из-за бугра. На лыжне никого не было.

– Может, я выстрелом их спугнул? – Саня перезарядил ружье.

Мы прошли назад по лыжне с полкилометра, но следов волков не обнаружили.

– Отстали, наверное, погнали по насту лосей.

Обратный путь вдоль реки прошли без приключений. В шестнадцать часов прибежали к домику карьероуправления Люппико. В это время старенький автобус забирал рабочих первой смены. Успели вовремя, а если бы опоздали, то пришлось бежать на лыжах еще восемь километров до самого города.

В прихожей конторы на табуретке стоял бачок с питьевой водой. Сгоряча я залпом выпил целую кружку ледяной воды и сразу почувствовал, как перехватило горло. Уже в автобусе у меня пропал голос. Наверное, следовало показаться врачу, но как только я представил себе очередь к ларингологу в поликлинике, сразу пропало желание лечиться.

Нам повезло, вахтовка сделала первую остановку на улице Гоголя прямо напротив Санино дома. Веруня нас ждала – на столе красовалась тарелка с горячими драниками и всякая разная вкусная закуска.

– Сейчас обедать не будем, срочно идем в баню, – объявил Саня, – у Анатолия Михайловича горло заболело.

– Какая баня, вам надо под одеялом дышать над кастрюлей с отварной картошкой, – запричитала Веруня, услышав мой лающий кашель.

– А если под одеяло захватить вилку, грибочки и водку, то и в баню можно не ходить, – пошутил я.

– Пока твоя картошка сварится, мы уже париться будем, – Саня решительно настроился на баню.

Наскоро переоделись, съели по паре драников со сметаной и отправились в городскую баню. Веруня нацедила нам с собой шкалик морошковой настойки.

– Почему так мало? – возмутился Саня.

– Ты у нас «малопьющий», сколько не выпьешь все тебе мало, – сердито одернула мужа Веруня, – только из-за Анатолия Михайловича шкалик даю. А тебе что – литр выпьешь и домой не вернешься, побежишь к маме ночевать.

Я вдруг с тревогой почувствовал, что в семейной жизни моих друзей появилась первая серьезная трещина.

Баня удалась, горячий пар напоминал гидротермальный флюид. Саня так распарил меня двумя березовыми вениками, что сразу прорезался голос, и я заорал от восторга на всю парилку. В раздевалке, закутавшись в простыни, мы выпили по стаканчику горячего чая из термоса. После второго захода в парилку налили по стопке морошковой настойки.

– Ты был прав, зимняя рыбалка действительно легкое и приятное дело: «наливай да пей», – я чокнулся с Саней граненым стаканчиком.

В раздевалку вошел Санин знакомый с маленьким сыном.

– Как там поживают окуни на лесных озерах? – с ухмылкой спросил он, пожимая нам руки.

«Отлично поживают, – съехидничал мой внутренний голос, – даже из воды вылезать не хотят».

Саня поставил стопку и небрежно достал большого вяленого окуня, подаренного нам Селюжицкими.

– Какой здоровый! – удивился парень. – Так он что, уже вяленый?

– Мы там времени зря не теряли, – ухмыльнулся Саня. Парень с мальчиком стали раздеваться рядом с нами.

– Откуда такая большая лыба? – мальчик показал пальчиком на окуня.

– Детей всегда интересует вопрос: «откуда все берется», – усмехнулся парень.

– А взрослых: «куда все девается», – добавил я, и протянул мальчику шоколадку.

Воспитанный ребенок замотал головой, отказываясь от подарка, и даже спрятал руки за спину, явно не надеясь на их скромность.

– Бери, – разрешил отец мальчику.

Он взял шоколадку и тихо сказал: «Спасибо!».

– Расскажите, как порыбачили, – снова обратился к нам парень.

Чтобы не мешать правдивому рассказу о зимней рыбалке, я демонстративно подвинулся, а Саня руками стал показывать фантастические размеры лесных окуней.

Действительно, рыбалка это спорт, а рассказ о ней уже настоящее искусство.